

Флоренский П. А. Новая книга по русской грамматике [Рец. на: Ветухов А. В. Начатки русской грамматики. Синтаксис и этимология. Харьков, 1909] // Богословский вестник 1909. Т. 2. № 5. С. 138–145 (3-я пагин.).

Новая книга по русской грамматикѣ.

А. Ветуховъ. Начатки русской грамматики. Синтаксисъ и этимологія. (Пригодно для самообразованія, 8-хъ—спеціальныхъ—классовъ женскихъ гимназій, для среднеучебныхъ заведеній и городскихъ училищъ). Харьковъ. 1909 г. Цѣна 30 коп.

Извѣстно, что „паровой цыпленокъ“, т. е. цыпленокъ выведенный въ инкубаторѣ, не имѣетъ души и вообще—совсѣмъ не то, что „настоящій“, высиженный родною матерью-насѣдкою. По крайней мѣрѣ, въ этомъ твердо убѣжденъ одинъ изъ мимолетныхъ героевъ Глѣба Успенскаго.

Этотъ взглядъ на бездушность паровыхъ цыплятъ невольно вспоминается, когда задумаешься объ учебной литературѣ. Возьмешь какой-нибудь учебникъ, перелистываешь. Какъ будто, все—на своемъ мѣстѣ. Очевидныхъ ошибокъ нѣтъ, изложеніе гладкое, ну, словомъ, книга—какъ книга. А читаешь,—словно хлебаешь щи бѣзъ соли: не хватаетъ души и не хватаетъ. Большинство нашихъ учебниковъ — паровые учебники. Но въ особенности производитъ впечатлѣніе бездушность грамматики. Отсюда скука. Съ лошадыю разговариваютъ; но едва ли кто велосипедъ трепалъ по рукоятямъ въ знакъ ласки. Съ машиной всегда скучно. И грамматика давно уже стала мѣрою скучности книги: „Скучна, какъ грамматика!“ Съ такими мыслями, въ томительномъ ожиданіи зѣвоты, я развернулъ новую книжку А. В. Ветухова. Сознаюсь, что я вовсе не былъ намѣренъ читать ее („И скучно, и нѣкогда“): перелистаешь,—ну и ладно. Но, пробѣжавъ первую страничку, я почему-то взялся за вторую. Послѣ второй—за третью. Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже уходитъ вниманіе въ параграфы грамматики. Страница за страницей,

чѣмъ дальше, тѣмъ увлекательнѣе, и вотъ, не безъ сожалѣнія докончивъ книжку, я всталъ съ мѣста поздною ночью и тогда только вспомнилъ, что не сдѣлалъ важнаго и спѣшнаго дѣла.

Въ чѣмъ же причина увлекательности? Почему учебная книжка по грамматикѣ притянула къ себѣ? Особенныхъ фактовъ изъ жизни языка читатель не найдетъ тутъ. Не будетъ, вѣроятно, пораженъ онъ и безусловно-новыми углами зрѣнія: книжка Ветухова имѣетъ основою своей ткани идеи А. Потебни, которыя, болѣе или менѣе, уже вошли въ обиходъ научной мысли. И однако, все это,—не новое, не незнакомое—, какъ-то странно оживаетъ. Книга А. Ветухова— „съ душою“, „настоящая“ книга,—не паровая. Это—плодъ любви и любовнаго высиживания, а не продуктъ кабинетно-школьнаго инкубатора. Отъ нея пахнетъ нивами и лѣсами, а не пыльной атмосферой города.

Многимъ даннымъ нужно было встрѣтиться, чтобы породить эту книжку. Но во главѣ всѣхъ данныхъ, безспорно, идетъ зачатіе ея отъ Потебни. Личность этого профессора въ наиблагороднѣйшемъ смыслѣ слова, этого воспитателя, вдохновителя и окрылителя всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ на жизненномъ пути, этого родоначальника цѣлой школы, цѣлаго ученаго выводка, этого подвижника, аскезомъ научной дѣятельности угасившаго страсти и поднявшагося надъ субъективизмомъ обособленной души, этого рѣдкаго носителя педагогическаго эроса, чрезъ который онъ могъ зачинать въ душахъ, этого, наконецъ, святого отъ науки,—если позволить читателю употребить не совсѣмъ привычное словосочетаніе—, —личность его,—говорю—, и вдохновила Автора рецензируемой „Грамматики“. Книжка его не навѣяна Потебнею, не возникла подъ его вліяніемъ, а имѣетъ черты кровнаго сходства съ научнымъ обликомъ Потебни.

И дальнѣйшее развитіе „Грамматики“ было опять-таки особенное. Медленно зрѣла она и въ теченіи долгаго времени своего роста получала обильное питаніе. А. В. Ветуховъ—не новичекъ въ словесной наукѣ. Въ его прошломъ имѣется цѣлый рядъ изслѣдованій и обширная монографія о заговорахъ, изучаемыхъ имъ подъ угломъ зрѣнія языкознанія (—Автора занимаетъ эволюція предложенія—). Такимъ образомъ, Авторъ „Грамматики“—не только зритель чужой научной

работы, но—и работникъ, участникъ въ ней. Добавьте же еще сюда долготѣльную педагогическую дѣятельность, которая даетъ возможность А. В. Ветухову обращаться не въ пустоту, не къ фиктивнымъ читателямъ, а къ живой молодежи, извѣстной ему изъ постоянного соприкосновенія съ нею. Въдѣ чрезвычайно важно, что „Грамматика“ сложилась не на основаніи отвлеченныхъ апріорныхъ соображеній, а въ текущей работѣ преподаванія; вслѣдствіе этого книжка являетъ собою итогъ педагогическаго опыта, а не его программу.

Вотъ тѣ главнѣйшія благопріятныя условія, вслѣдствіе стеченія которыхъ „Грамматика“ есть то, что она есть.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ея уплотненность: въ ней нѣтъ пустыхъ словъ, какъ нѣтъ и ненужнаго хламу. Однако, не опущено ничего дѣйствительно-нужнаго, и это—въ объемѣ приблизительно 40-ка страницъ. Какъ тучный колосъ каждое предложеніе клонится долу отъ полноты содержанія. Принципъ экономіи мышленія удовлетворенъ вполнѣ.

Но эта компактность не стоить на дорогѣ понятности книги. Изложеніе прозрачно и конкретно; при чтеніи никогда не подымается вопроса: „Что же, собственно, хочеть сказать Авторъ?“. Мѣткимъ словомъ, выразительнымъ сравненіемъ, неожиданной, хотя и простой, этимологіей термина, молчаливымъ сопоставленіемъ данныхъ, прекрасно-подобранными примѣрами, во-время припомненными старинными и народными словами, А. В. Ветуховъ достигаетъ удивительнаго для учебника изящества рѣчи и мысли. Не смотря на свой ничтожный объемъ, не смотря на по необходимости присущую учебнику конспективность, „Грамматика“ нисколько не имѣетъ вида остова, обтянутаго кожей, но каждый параграфъ осязается рукою какъ молодое, упругое тѣло. Такая почти пластическая художественность достигается тѣмъ тактомъ, которымъ въ совершенствѣ владѣли древніе и который такъ рѣдко встрѣчается въ наше время: изложеніе ведется дѣловито, безъ риторическихъ амплификацій, безъ внѣшнихъ украшеній, но оно прекрасно именно тѣмъ, что нѣтъ мишуры, что все—на своемъ мѣстѣ, что самое украшеніе не налѣплено на текстъ, но образуетъ ткань его, внутренне необходимо. Если угодно, это—врожденное благородство вкуса и цѣломудріе слова. Вслѣдствіе этого образы г. Ветухова—внутренне-правдивы: они сами льнуть къ мысли.

Любимый образъ А. В. Ветухова, это—образъ растенія. Говоря о дифференціаціи семемы слова, онъ сравниваетъ этотъ процессъ съ сѣвомъ: „изъ одного зерна выкидывается цѣлый колось, а при надлежащемъ уходѣ (культурѣ)—и снопъ колосьевъ, содержащихъ огромное количество—и все новыхъ—зеренъ, не тѣхъ, которые были посажены или посѣяны въ землѣ“ (§ 3, стр. 4). Обратите вниманіе на эпическую полноту образа: въ четырехъ строкахъ представлено не только сравненіе, но и сдѣланъ намекъ на цѣлый сельско-хозяйственный методъ (рядковая культура хлѣбовъ). Далѣе, этотъ образъ развивается въ различныхъ направленіяхъ:

„Присмотримся, какъ совершаются эти переходы. Передъ нами простѣйшее по звуковому составу (однобуквенное) слово „а“—это зерно,—изъ котораго, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, могутъ вырасти и корень, и стебель, и колось, полный новыхъ зеренъ,—нѣкогда въ свою очередь, вѣроятно, бывшее однимъ изъ многочисленныхъ въ своемъ колосѣ. Вотъ отъ него молодые ростки, сравнительно поздно выросшія въ языкѣ,—„акать“ (т. е. говорить вмѣсто *о* звукъ, схожій съ *а*, напр. *вада*, *панимаю*), откуда—„аканье“ (говоръ на *а*)...—Возьмемъ слово подлиннѣе, напр. „сто“,—въ немъ зерно уже раскрылось (развернулось) въ корень (*ст*) и маленькій ростокъ (*о*), измѣнчивый, гибкій (*ст-а*); въ словѣ „вода“ этотъ ростокъ еще болѣе гибкій (*воды*, *вод-ль*, *вод-у*, *вод-ою*). Въ словѣ „вод-н-ый“ обозначился уже между корнемъ и росткомъ, переходящимъ въ колось, стебелекъ—*н*.—Съ появленіемъ этого послѣдняго перемѣнилась и категорія слова: изъ существительнаго выросло прилагательное.—Если бы мы вздумали растеніе (напр. рожь или пшеницу) пересадить или послѣ восхода засыпать землю, то ниже корня появится приростокъ: подобное явленіе можемъ наблюдать и въ ростѣ словъ, напримѣръ „под-вод-н-ый“ (§ 19, стр. 12).

Но А. В. не останавливается и на этомъ. Посмотрите, какъ просто и выразительно объясняетъ онъ учащемуся нѣкоторые термины:

„Основныхъ частей слова, разъ оно уже—въ состояніи зерна прозябшаго, пустившаго ростокъ и корень,—двѣ (ср. съ двумя—главными членами предложенія): *корень* (соотвѣтствуетъ тому же названію у растенія) и—на концѣ—*фленсія* (наиболѣе гибкая, подвижная часть, соотвѣтствующая из-

мѣнячивому ростку), напимѣрь *вод* (=корень)+*а* (=флексія). Между основными частями могутъ вращаться и другія,—важныя, но не необходимыя для цѣльности, законченности слова,—части его, какъ напр. *суффиксъ* (подставка),—„вод-н-ый, соле-н-ый, сол-и-ть“,—образующій своего рода переходный мостъ отъ существительныхъ къ прилагательнымъ и глаголамъ. Передъ корнемъ можетъ быть приростъ, называемый *приставкой*, напр. „на-вод-н-я-ть“... Два отдѣльныя слова могутъ срастаться въ одно цѣлое (новое), подобно близнецамъ двойнымъ орѣхамъ, желудямъ, при посредствѣ одной изъ двухъ *соединительныхъ гласныхъ* (*о* и *е*) или непосредственно (вод-о-воз-ъ, земл-е-дѣл-ецъ; Новгородъ, пятнадцать)“... (§ 20, стр. 12—13).

„Присмотрѣвшись поближе къ этимъ частямъ слова, мы увидимъ, что измѣнячивость, подвижность ихъ—различныхъ степеней.—Корень мѣняется лишь въ „потокѣ времени“, очень медленно и, разъ принявъ необходимыя измѣненія, по требованіямъ смысла или подъ вліяніемъ звукового содѣяства, остается неизмѣннымъ, проходя черезъ всѣ категоріи словъ (вод-а, вод-н-ый, на-вод-н-я-ть)... Суффиксъ мѣняется чаще: при каждой смѣнѣ категоріи (части) рѣчи и, конечно, видоизмѣняется подъ вліяніемъ положенія среди другихъ звуковъ... Флексія—крайне перемѣнячивая величина; она склоняется во всѣ стороны, подобно колосу при дуновеніи вѣтра“ (§ 21, стр. 13).

Почти наудачу я привелъ нѣсколько выдержекъ, чтобы читатель самъ могъ судить объ изложеніи А. В. Ветухова. Не буду указывать иныхъ, весьма удачныхъ, образцовъ, въ которыхъ движется популярно-изложенная, но строго-научная мысль Автора. Особенно умѣстны нѣкоторыя вербальныя разъясненія терминовъ, какъ-то:

„Глаголы—*спрягаются*, т. е. соединяются попарно—(какъ спрягаются для глубокой пашни тяжелымъ плугомъ крестьяне, имѣющіе по одной лошади или по парѣ воловъ)—съ мѣстоимѣніями (или существительными, причемъ соответственно всякой новой запряжкѣ мѣняется конечность слова, его флексія“ (§ 22, стр. 14).

При склоненіи „концы словъ *таподаютъ*, уклоняются отъ первоначальной формы (именительнаго падежа, называемаго *прямымъ*, въ отличіе отъ прочихъ, склонившихся, косыхъ,

косвенныхъ) и замѣняются иными по новому вопросу. Эти измѣненія называются *падежами*“ (§ 23, стр. 15).

„*Имя прилагательное*—грамматическое имя для словъ, прилагательныхъ къ существительнымъ (и заступающимъ ихъ мѣсто)“... (§ 24, стр. 16).

„*Мѣстоименіе* есть замѣна одного изъ... именъ (существительнаго, прилагат. и числительнаго); это своего рода формула обобщенія, алгебраическій знакъ, раскрываемый постановкою конкретной величины“ (§ 26, стр. 18). И т. д.

Не стану болѣе утомлять читателя примѣрами изъ „Грамматики“. Скажу только два-три слова о нѣкоторыхъ недочетахъ, впрочемъ, легко поправимыхъ:

§ 7, стр. 5 и § 18, стр. 11.—Объясняя смыслъ классификаціи словъ на части рѣчи, А. В. Ветуховъ опирается на классификацію словъ на слова-предметы, слова-качества, слова-дѣйствія и т. д. Однако, при этомъ читателю остается весьма неяснымъ, въ чемъ же, собственно, разница между предметомъ, качествомъ, дѣйствіемъ и т. д., тѣмъ болѣе, что пониманіе этихъ категорій существенно различается въ зависимости отъ той или иной философской позиціи. Автору „Грамматики“ необходимо объяснить съ читателемъ.

§ 11, стр. 7.—Буквы—„своего рода фотографіи, картинки звуковъ“. Конечно, съ этимъ согласиться невозможно, потому что между буквою и звукомъ, ею обозначаемымъ, не только нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но даже имѣется полная разнородность.

§ 18, стр. 11; ср. § 29.—„Слова-обстоятельства... названы *нарѣчіями* (т. е. схожими по формѣ съ какой-либо изъ предыдущихъ частей рѣчи), такъ какъ они представляютъ собою окаменѣвшія формы той или иной части рѣчи...“ Въ лучшемъ случаѣ, это—весьма неясно; но, кромѣ того, очень сомнительно, можно ли сводить „нарѣчную“ категорію мысли къ одной только извѣстности слова.

§ 23, стр. 14.—При объясненіи падежей А. В. пользуется рядомъ вопросовъ. Но, можетъ быть, оказалось бы цѣлесообразнымъ сперва помѣстить какой-нибудь небольшой связный рассказъ, гдѣ одно и то же слово проходило бы послѣдовательно въ различныхъ падежахъ.

§ 23, стр. 15.—„Концы словъ *таподаютъ*“. Слѣдовало бы объяснить это мѣстное слово. Едва ли оно извѣстно боль-

шинству читателей. (Въ Словарѣ Даля, какъ въ первомъ, такъ даже и въ третьемъ, дополненномъ Бодуэномъ-де Куртенэ изданіи его слова таподать не имѣется).

§ 23, стр. 15.— Тутъ объясняется грамматическій родъ. Нужно было бы, наконецъ, уничтожить нелѣпый терминъ „средній родъ“: neuter=ни тотъ, ни другой, т. е. ни мужского, ни женскаго рода,—без-родный. Жаль также, что не указана связь грамматическаго рода съ идеею пола, пронызывавшею когда-то все міропониманіе.

§ 30, стр. 23.—При обсужденіи предлога слишкомъ бѣгло рассматривается префиктивная его функція. Такъ, вовсе не указавъ, на примѣръ, предлогъ *у*, придающій глаголу перфективность: *у-дѣлать*, *у-брать*, *у-идти*, при-*у-браться*, *у-такнуться*; не отмѣченъ и важный предлогъ *с* (=латинск. *con*, какъ напр. въ *con-clamare*): *с-догаться*, *с-догадаться*, *с-казывать*; и др.

§ 27, стр. 19.—„...дѣйствіе могло проявляться и вчера (въ прошломъ) и можетъ еще проявиться завтра (въ будущемъ)“. По симметріи съ началомъ фразы, да и по смыслу слѣдовало бы сказать: „дѣйствіе могло проявляться и въ прошломъ (вчера) и можетъ еще проявиться въ будущемъ (завтра)“.—Тутъ же.—Совершенно не выясненъ смыслъ лицъ глагольнаго спряженія и, въ особенности, троичность ихъ; а это—пунктъ весьма важный.

§ 27, стр. 20.—Неопредѣленное наклоненіе глагола объясняется невразумительно, а о видахъ сказано слишкомъ легко.

§ 34, стр. 28.—„письменныхъ *v.* печатныхъ“. Это *v.* (*vel*), повторяющееся во многихъ мѣстахъ, конечно, окажется для учащихся непонятнымъ.

§ 9, стр. 6.—„Не всякое слово... можетъ быть названо членомъ предложенія...“ Безъ примѣровъ это неясно.

§ 18, стр. 10.—Примѣръ: „а онъ и у меня спрашивалъ о братѣ“ слѣдовало бы набрать такъ: „а онъ *и у* меня спрашивалъ *о* братѣ“.

§ 18, стр. 11.—Примѣръ: „тетрадь лежитъ, а книга упала“ былъ бы выпуклѣе, если бы его набрать такъ: „тетрадь *лежитъ, а* книга *упала*“.

Въ настоящей замѣткѣ указаны нѣкоторыя крупныя достоинства и нѣкоторыя мелкіе недостатки „Грамматики“

А. В. Ветухова. Какъ послѣднихъ, такъ и, въ особенности, первыхъ можно было бы указать и еще. Но я думаю, что уже изъ сопоставленія приведенныхъ (въ интересахъ справедливости) читатель можетъ убѣдиться въ большомъ удѣльномъ вѣсѣ этой маленькой книжки. Въ заключеніе я считаю долгомъ обратить на нее вниманіе всѣхъ педагоговъ, которымъ дорогъ русскій языкъ и общее развитіе учащихся. Книжка А. В. во всякомъ случаѣ имѣетъ то безспорное достоинство, что, порожденная вдумчивостью и любовью, она сама зажигаетъ вдумчивость и любовь къ родному языку.

Павелъ Флоренскій.
